

Тао Хуайнань провёл пальцами по тыльной стороне руки Чи Чэна и сказал:

— Прости... Вы меня слишком избаловали, и я стал слишком капризным.

Ребёнок был послушным, всегда начинал с самокритики. На самом деле это было не его виной, просто он не хотел делать уколы и ехать в больницу. Он и не ожидал, что к полуночи его состояние ухудшится настолько. Если бы он знал, что так будет мучить Чи Чэна, он сам бы предложил сделать укол.

Он почти не мог говорить, дышал с трудом, и его вялый, безжизненный вид раздражал Чи Чэна. Он снова прижал Тао Хуайнаня к себе и с нахмуренным лбом сказал:

— Ты только хорошо говоришь.

Тао Хуайнань снял пижаму и больше не надевал её. Теперь его спина прижималась к пижаме Чи Чэна, и под одеялом было тепло и уютно. Он закрыл глаза и вскоре снова уснул.

Жаропонижающее всё же подействовало, но его эффект длился всего несколько часов.

На рассвете Чи Чэн без лишних слов отвёз Тао Хуайнань в больницу, даже забыв предупредить. На телефоне было два пропущенных звонка от учителя и несколько от брата.

Чи Чэн сначала перезвонил брату и сказал, что Тао Хуайнань немного простудился, и они поехали на укол.

Затем он перезвонил учителю и попросил отгул на сегодня.

Временная палата была шумной. Тао Хуайнань снял обувь и сел на кровать, поставив капельницу. Он почувствовал, что ноги замёрзли, и нащупал куртку, чтобы накрыть их.

Чи Чэн вошёл и сначала потрогал его лоб, чтобы проверить температуру:

— Температуры нет, хорошо.

— Нет температуры, — Тао Хуайнань всё ещё не мог говорить, только издавал шёпот, — Но мне всё ещё немного холодно.

Чи Чэн снял куртку и накинул её на него. Тао Хуайнань спросил:

— А тебе не холодно?

— Мне не холодно, — Чи Чэн посмотрел на его бледные губы, достал бальзам для губ из кармана куртки Тао Хуайнаня и нанёс его.

Капельница продолжалась до полудня, всего три бутылки. После первой Тао Хуайнань начал немного потеть и выглядел бодрее.

Чи Чэн держал его руку с капельницей. Тао Хуайнань не любил холодное ощущение лекарства, вливающегося в вену, и Чи Чэн согревал его руку.

В палате было тепло, и, когда Тао Хуайнань начал потеть, он больше не мог удерживать куртку на себе. Он всё ещё был как ребёнок: его состояние всегда было написано на лице. Когда он болел сильно, он увядал, а когда становилось немного лучше, оживал.

Он начал говорить с Чи Чэном своим хриплым голосом и всё время жаловался на голод.

Чи Чэн спросил:

— Хочешь, чтобы я продолжал греть твою руку, или пойду купить тебе что-нибудь поесть?

Тао Хуайнань подумал, улыбнулся и сказал:

— Хочу, чтобы ты грел руку, но я голоден.

— поголодай пока, поедим после капельницы, — сказал Чи Чэн.

Тао Хуайнань взял руку Чи Чэна и прижал её к своему животу:

— Ты чувствуешь? Буль-буль-буль.

Но это бульканье ничего не изменило. Чи Чэн не мог оставить его одного в больнице. Тао Хуайнань ничего не видел, не знал, если игла выпадет, или если лекарство закончится. Чи Чэн никогда не оставлял Тао Хуайнаня одного где-либо. В детстве он боялся, что он потеряется, а позже просто не мог его оставить.

После трёх бутылок лекарства Тао Хуайнань окончательно ожил.

Хотя он ещё не полностью выздоровел, но чувствовал себя намного лучше. Чи Чэн сначала сводил его поесть каши. Тао Хуайнань сказал, что она слишком жидкая, и съел два булочки с заварным кремом.

Чи Чэн не дал ему съесть слишком много, после двух булочек он дал ему только полчашки каши. Тао Хуайнань не наелся, но больше не просил, боясь, что снова вырвет.

После еды они поехали домой. В машине Тао Хуайнань не удержался и начал смотреть большими глазами, придвинувшись ближе, и тихо спросил Чи Чэна:

— Ты вчера...

Чи Чэн посмотрел на него, а затем перевёл взгляд на окно.

— Ты звал меня Наньнань? — Тао Хуайнань толкнул его плечом, улыбаясь, как маленькая лисичка, — Ты думал, я не знаю?

Чи Чэн не ответил, и Тао Хуайнань снова толкнул его:

— Почему ты обычно так не зовёшь? Ты всегда холодно говоришь: «Тао Хуайнань, Тао Хуайнань».

Водитель услышал его слова и засмеялся, видимо, найдя это забавным.

Чи Чэн, конечно, не стал поддерживать этот разговор, он просто игнорировал его.

Но это не помешало Тао Хуайнаню продолжать говорить. Впереди был водитель, поэтому он не мог слишком разойтись, но, когда они вышли из машины, и Чи Чэн взял его за руку, шагая по снегу, Тао Хуайнань засмеялся:

— Ты тайком звал меня Наньнань, не стыдно?

Чи Чэн поднял бровь, посмотрел на него и ничего не сказал.

История с «Наньнань» сильно обрадовала Тао Хуайнаня, он был на седьмом небе от счастья.

Чи Чэн никогда так его не называл, это было слишком сентиментально. Холодный Чи Чэн вдруг стал таким нежным, это было неожиданно. Тао Хуайнань каждый раз, вспоминая это, хотел смеяться.

Неизвестно, действительно ли он помнил только «Наньнань» или нарочно делал вид, что забыл, но о событиях прошлой ночи, кроме «Наньнань», он больше не упоминал.

Он говорил, что Чи Чэн смущает его, но не говорил, что сам Тао Хуайнань бесстыдник.

Зимние каникулы уже почти закончились, и из-за этой болезни Тао Хуайнаня они решили пропустить последние дни занятий, только в последний день зашли за домашним заданием.

На самом деле последние два дня Тао Хуайнань уже выздоровел, но всё равно не хотел идти. Кто же откажется от законного повода не ходить на учёбу?

Он каждый день дома приставал к Чи Чэну, чтобы тот называл его «Наньнань», и в конце концов Чи Чэн, раздражённый, засунул его в ванную, чтобы он сам помылся. Тао Хуайнань открыл дверь и вышел:

— Отопление ещё не прогрелось, всё ещё холодно.

— Тогда иди обратно и лежи, — сказал Чи Чэн.

Чи Чэн действительно боялся его назойливости, этот парень был слишком надоедливым. Тао Хуайнань положил голову на него, и Чи Чэн сказал:

— Если скажешь ещё одно слово, я заткну тебе рот.

— Тогда я не скажу, — Тао Хуайнань устроился поудобнее, лёг, положив голову на колени Чи Чэна, и накрылся одеялом. Устроившись, он сказал:

— Читай, я тебя не отвлекаю.

И действительно, он больше не говорил, лежал на коленях Чи Чэна и слушал книгу, ведя себя тихо.

Чи Чэн отвёл взгляд от книги и посмотрел на него. Он смотрел долго, а затем погладил его по волосам. Тао Хуайнань, увлечённый книгой, машинально поднял руку и тоже погладил его.

Одна простуда смогла сбросить с Тао Хуайнаня несколько килограммов, его подбородок стал ещё острее.

На улице выпал большой снег, он шёл всю ночь, и утром, выйдя из дома, можно было утонуть в сугробах по щиколотку. Тао Хуайнань, услышав от Чи Чэна, что снега много, захотел выйти поиграть, но Чи Чэн, только что вылечивший его от простуды, никуда его не пускал.

— Чи Чэн, пойдём вниз поиграем, — Тао Хуайнань сидел на диване, скрестив ноги, и отдавал приказы.

Чи Чэн даже не взглянул на него, будто не услышал.

Его приказы действовали только на Сяодуна, на Чи Чэна — нет. Тогда Тао Хуайнань подошёл к нему, сел на него, обнял за шею и начал уговаривать:

— Старший брат, я хочу прогуляться, я уже несколько дней не выходил.

Чи Чэн холодно отказал:

— Подожди, пока перестанешь кашлять.

— Сегодня я не кашлял, — сказал Тао Хуайнань, — Горло совсем не чешется.

— Ты думаешь, я не слышал? — Чи Чэн остался непреклонен, — Только что кашлял, и кашель был с хрипом.

Тао Хуайнань продолжал уговаривать, но Чи Чэн не поддавался ни на мягкость, ни на жёсткость.

В конце концов Тао Хуайнань сел верхом на Чи Чэна и, не добившись своего, начал угрожать:

— Если ты не пойдёшь со мной, я заплачу, мои слёзы приходят очень быстро!

— Отстань, не надоедай, — Чи Чэн оттолкнул его.

— Я начну считать, и на «раз» слёзы точно польются! Чи Чэн, не сомневайся, — Тао Хуайнань ткнул его, — Начинаю считать!

Чи Чэн:

— Раз.

Тао Хуайнань рассмеялся, перевернулся и ушёл:

— Не то, что когда ты звал меня Наньнань, Наньнань, Наньнань, льстивые слова!

Тао Сяодун вернулся через несколько дней, и, как только он вошёл, Тао Хуайнань бросился к нему, скучая по брату.

— Я холодный, сначала отойди, — Тао Сяодун погладил его по затылку, посмотрел и сказал:

— Почему ты так похудел?

— Это Чи Чэн меня запер! — Тао Хуайнань наконец нашёл, на кого пожаловаться, хотел показать на Чи Чэна, но не знал, где он, и опустил руку, — Он вообще не выпускает меня из дома!

Чи Чэн взял чемодан брата, и Тао Сяодун, улыбаясь, спросил его:

— Он тебя достал?

— Нормально, — ответил Чи Чэн, — Привык.

С возвращением брата у Тао Хуайнаня появился ещё один объект для назойливости. Если Чи Чэн не хотел его выпускать, то брат мог.

<http://bllate.org/book/16228/1458276>